



УДК 343.85(47)(091)

ББК 63.3(2) 52+67.3

**Роль российского законодательства
в регулировании норм поведения молодежи
в дореволюционном обществе
(конец XIX – начало XX вв.)**

С. А. Шаламова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

В статье автор анализирует ряд законодательных актов конца XIX – начала XX вв. (в частности Устав о наказаниях) и определяет их роль в регулировании норм поведения молодежи в дореволюционном обществе, акцентируя внимание на архивных материалах ГАИО.

Ключевые слова: норма поведения, российское законодательство, Устав о наказаниях, молодежь.

Изучение норм поведения человека на основе анализа российского законодательства в имперский период позволяет глубже понять причины отклонений в современном обществе и среди молодежи в целом. Государство всегда стремилось регламентировать поведение человека во всех сферах жизни общества и тем самым приблизить поведение к некоему заданному образцу, идеалу, используя для этой цели различные механизмы воздействия. В дореволюционный период образцом для подражания служил человек, преданный Богу, царю и Отечеству, согласно концепции «православие – самодержавие – народность». В обществе нормой считалось поведение, которое не противоречило существующим законам, не нарушало правил приличия и общественного спокойствия.

В основе ценностных представлений в изучаемый период лежало православное мировоззрение, которое пронизывало практически все стороны жизни людей. Традиции и обычаи, существовавшие в дореволюционном обществе, в том числе и в каждой социальной группе, играли не менее важную роль в морально-нравственном облике молодежи. Послушание и смирение, уважение старших и стариков, приоритет семейных ценностей, богобоязненность, любовь к ближнему, помощь нуждающимся и больным и т. п. приветствовались в поведении молодежи. В этой связи любое отклонение от заданного образца, в том числе в поведении, рассматривалось не просто как нарушение, но и серьезно наказывалось властью, а также осуждалось общественным мнением. Особенно бдительно власть пыталась следить за поведением подрастающего поколения и молодежи, так как от нее зависел не только процесс

дальнейшего воспроизводства населения, но и преемственность опыта поколений в целом, результат социализации.

Не последнюю роль в этом процессе играла сложившаяся система наказаний, которая задавала определенные рамки, нарушать которые не следовало, находясь в общественных местах, на улице, общаясь с взрослыми и старшими людьми в тех или иных обстоятельствах. В то же время чрезмерная регламентация в поведении, а также жесткая система запретов и установлений, слежка и подозрительность со стороны власти рождали обратную реакцию, которая приводила к противодействию существующей системе, что выражалось в противоправных действиях, аморальных поступках, разных нарушениях и отклонениях в поведении. И молодежь в данном случае не была исключением, так как именно она чаще всего стремилась к отходу от заданных образцов, правил, установлений в силу особенностей своего возраста и жизненной позиции, что приводило к неоднозначным последствиям. Совершение противоправных действий и поступков и установленная за них система наказаний могли значительно повлиять на будущее молодых людей, которые дорожили своей репутацией, службой, карьерой, а для девушек – уменьшали шансы на удачное замужество.

Регулируя поведение человека в обществе, государство предпринимало определенные меры для решения своих задач, которые объективно влияли на изменение возможностей, характер развития и жизненный путь тех или иных социально-профессиональных, сословных, этнокультурных и возрастных групп. В частности, отметим, что в отношении молодежи государство регламентировало: брачный возраст, призывной возраст, имущественные права и т. п. Существенную роль в регуляции всякого рода отклонений в поведении человека и приведении его в соответствие с общепринятыми нормами выполняла судебная власть.

Официальная регламентация поведения человека в обществе существовала всегда, и законодательство претерпевало незначительные изменения в этом направлении. Ввиду специфики темы, хотелось бы остановиться на некоторых судебных установлениях и полицейских отчетах, регламентировавших поведение человека в общественных местах.

В Уставе о предупреждении и пресечении преступлений за 1901, 1905, 1914 гг. приводятся примеры «благопристойного» и «благоразумного поведения», принятые за норму в сословном обществе, и определяется степень ответственности за нарушение общепринятых норм поведения. Здесь также содержится положение о наиболее предпочтительных и не противоречащих закону, «официально установленных» способах досуга и отдыха, в которых принимала участие и молодежь.

В отдельный блок преступлений выделялись преступления против существующего строя, которые наказывались: лишением всех прав состояния и тюремным заключением, высылкой на каторжные работы в отдаленные места (Сибирь, Кавказ и др.), высшей мерой наказания за государственную измену [5]. В случае нарушения правил поведения во время организованного досуга

и отдыха в общественных местах наказания в основном ограничивались штрафами, либо заключением в тюрьму на несколько суток.

В фондах ГАИО имеется ряд дел, касающихся «негласного» полицейского наблюдения за учащейся молодежью, в случае ее появления в Иркутске, замеченной в «неблагонадежности» и «неодобрительном поведении», и исключенных из университетов за беспорядки в 1883 г. [1, л. 1–3]. В данном случае под политической «неблагонадежностью» молодежи подразумевались такие неуместные и противоправные действия, как чтение «запрещенной» революционной литературы, пение революционных песен, распространение противоправительственных речей и прокламаций и организация «массовых беспорядков» в студенческой среде и в обществе, нарушающие общественный порядок и спокойствие. Такое негласное наблюдение служило одной из форм контроля власти за поведением учащейся молодежи.

Подобное «негласное наблюдение» велось и за студенческими землячествами в Иркутске, которые создавались выпускниками высших учебных заведений и помогали «недостаточным» студентам-сибирякам материально. Но, как свидетельствуют архивные материалы, нередко организованные студенческими землячествами благотворительные концерты и танцевальные вечера в пользу неимущих учащихся превращались в пивные вечеринки «с крайней разнузданностью и разгулом», что и становилось «предметом особого бдения» городской полиции [2, л. 103].

Под «негласное» наблюдение попадали студенты не только высших, но и средних учебных заведений, выбывшие за неуплату за обучение и за «дурное поведение», так как «они могли оказаться жертвами политических агитаторов, выступавших против существующего государственного и общественного строя» [3, л. 5–8]. Приведенные примеры показывают, что государство серьезно наказывало тех, кто осмеливался посягнуть на существующий режим.

Большой раздел «Свода уставов о предупреждении и пресечении преступлений» был посвящен системе предупреждений и наказаний в сфере благочиния и богослужения, соблюдение которых считалось признаками добропорядочности и благонравности в поведении. Например, шуметь, смеяться, разговаривать, переходить с места на место, прикладываться к чудотворным местам и иконам при совершении божественной службы запрещалось. В случае нарушения благоговения в церкви непристойным криком или шумом, неблагоприятными поступками, но без оскорбления святыни, виновные подвергались месячному аресту, денежному взысканию в размере 100 руб.

Появление в церкви в пьяном и непристойном виде запрещалось. Если же происходило нарушение вне молитвенных зданий – общенародными забавами и увеселениями, различными бесчинствами, препятствующими божественной службе, но без оскорбления святыни, то следовал арест в течение 15 дней и денежный штраф в размере 50 руб. Такому же взысканию в Уставе о наказаниях виновные подвергались в случае нарушения порядка при торжественных шествиях или празднествах [6]. Непристойные слова и действия во время богослужения в церкви карались не только лишением прав состояния,

но и грозили заключением в тюрьму на срок от одного года четырех месяцев до двух лет, или заключением от четырех до восьми месяцев (ст. 213) [6].

Выполнять казенную или публичную работу в воскресные и церковные торжественные праздники запрещалось, как правило, такие дни нужно было посвятить молитвам и посещению церкви. Несмотря на то, что святочные увеселения и игрища запрещались церковью, они по-прежнему бытовали в селах и даже в городах в несколько видоизмененном виде и были очень популярны среди молодежи.

Порядок и спокойствие в обществе поддерживались системой предупредительных мер и наказаний, зафиксированных в Уставе о наказаниях за 1901, 1905, 1914, 1916 гг., где четко прописывались правила поведения в публичных местах, что также дает представление о норме поведения человека в дореволюционном обществе. Приведем несколько примеров. Согласно Уставу о наказаниях неприемлемыми действиями являлись: распространение ложных слухов, ссоры, драки, кулачные бои в публичных местах, нарушающие общественную тишину и спокойствие, за которые следовали арест в течение семи дней или денежное взыскание в размере 25 руб. Если такого рода нарушения принимали массовый характер, и по требованию полиции толпа не расходилась, то нарушители подвергались аресту в течение месяца или денежному взысканию в размере 100 руб. (ст. 37–38). Произнесенные публично ругательные слова также считались нарушением порядка, общественной тишины и спокойствия [7]. Наличие данных наказаний свидетельствует о систематическом характере нарушений общественного спокойствия.

До революции признаком публичного места была его открытость и доступность для всей публики. К публичным местам Правительствующим Сенатом относились: улицы, площади, общественные сады, почтовые станции, буфеты (даже в частном театре), публичные дома, лавки, общественное собрание, приемная комната полицмейстера, винные торговые погреба, рощи для гуляния публики, трактиры и др. [Там же]. Также к публичным местам могли относиться: церкви, судебные установления, театры, гостиницы и т. п.

Появление человека в публичном месте в пьяном виде, угрожающем безопасности, спокойствию или благочинию, предусматривало арест в течение трех дней или денежное взыскание. Причем срок ареста увеличивался до двух недель, а денежный штраф – до 50 руб., если человек появлялся в нетрезвом виде в публичном месте в третий раз. Публичное распитие крепких напитков компанией на улицах и площадях, во дворах и подворотнях (где такое распитие было запрещено), каралось арестом от трех дней до двух недель или денежным штрафом в размере от 10–50 руб. [Там же].

Существовали наказания за публичные словесные оскорбления и ругательства. Оскорбительными, например, считались выражение «вы хуже всякой мещанки» и обращение на «ты», если оно употреблялось с целью выражения презрения говорящего к другому лицу. За публичное оскорбление женщины словом или действием (преследование ее на улице, поднятие мужчиной перед ней рубашки, угроза кулаком), которое считалось оскорблением чести и достоинства женщины, грозил арест на три месяца [Там же].

Официально законом не дозволялось «непотребное поведение», т. е. разврат как явный, так и тайный [4, л. 18–26]. В этой связи, законодательство предусматривало систему наказаний, предупреждающих пресечение развратного поведения по сословиям и состояниям. В главе 6 Свода Устава «О предупреждении и пресечении развратного поведения неслужащих чиновников, военных и гражданских» указывалось, что за развратное поведение они должны высылаться по месту их рождения. Лица, высланные из столиц, не могли быть прописаны в столичных губерниях. Чиновники, отстраненные от службы за дурное поведение, не имели права вести дела и составлять прошения [7].

Здесь также содержится положение «О предупреждении и пресечении порочного поведения лиц, лишенных духовного звания по распоряжению духовного ведомства». За порочное и дурное поведение лица духовного звания, помимо лишения духовного сана, теряли право проживать в местности, где находились монастыри (это касалось послушников монастырей), а также ряда привилегий. Священнослужители, лишенные за пороки и неблагочинные поступки духовного сана, отсылались в местное губернское правление с подробным объяснением вины. Это в свою очередь влекло исключение из духовного сословия и переход в разряд непривилегированного сословия, по желанию – в мещанство или крестьянство (если они пребывали в духовном звании не из дворян и не пользовались правами почетного гражданства).

Лица духовного звания из дворян или пользовавшиеся правами почетного гражданства, или получившие дворянское достоинство по орденам, сохраняли за собой принадлежащие им права состояния, но лишались чинов, полученных до вступления в духовное звание. Им запрещались как въезд в обе столицы и жительство в них, так и вступление на государственную или общественную по выборам дворянским и городским службу [Там же]. Ученики казенных заведений ведомства МВД, избалованные в дурном поведении, исключались из настоящего их звания. Аптекарские ученики, поступившие в больницы из числа незаконнорожденных воспитанников Приказа Общественного Призрения, также исключались со службы за дурное поведение [Там же].

В отношении мещан, как мужчин, так и женщин, избалованных в порочном и развратном поведении, городским обществом применялись следующие исправительные меры: отдача их в разные работы (казенные, городские, частные). В первый раз – на срок от 1–2 месяцев, во второй раз – от 2–4 месяцев, в третий – от 4–6 месяцев. Но в примечании оговаривалось, что данные правила не распространяются на проживающих в обществах нижних воинских чинов, уволенных со службы по неспособности к ней. Если же они оказались порочного поведения, то общества могли предать их суду на общем основании. Находящиеся в составе городских обществ нижние чины запаса в случае порочного поведения исключались из среды тех обществ и попадали в распоряжение правительства [Там же]. В случае порочного поведения сельские обыватели исключались из данной среды и высылались в Сибирь, а инородцы подлежали переселению с одного места жительства в другие округа того же края [Там же].

Таким образом, можно сказать, что юридические нормы предполагали строгое соблюдение правил приличия и благопристойности в поведении, за нарушение которых следовала целая серия наказаний (в виде предупреждений, арестов, денежных взысканий, исправительных работ за порочное поведение, вплоть до высылки в Сибирь, лишения прав состояния и звания и т. д.). В таком случае для молодого человека, служащего или строящего карьеру, необходимо было сохранить честь и репутацию порядочного человека в сословном обществе. В то же время известно, что идеал недостижим, но к нему пытались стремиться, поэтому именно от молодежи, принимавшей или отрицавшей эти образцы, зависел успех традиционной социализации.

Однако, как показал весь ход дальнейших событий конца XIX – начала XX вв., образцы, насаждаемые сверху разноликой массе, не всегда были желанны и достижимы, скорее наоборот, росло естественное стремление людей преодолеть устаревшие стереотипы, ускорившееся под влиянием развития капиталистических отношений. Чрезмерная строгость и регламентация в поведении, жесткая система запретов и наказаний порождали противодействие существующей системе, принятым образцам, насаждаемым сверху, отклонения в разных формах, так как не было полноценной возможности для эмоциональной разрядки. В любом случае выбор тех или иных поведенческих норм и стереотипов зависел от целого ряда факторов, в том числе от жизненной позиции самой молодежи, системы ценностей, которым она следовала в той или иной социальной среде.

1. ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 1361. Л. 1–3.
2. ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1675. Л. 103.
3. ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 1361. Л. 5–8.
4. ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 913. Л. 18–26.
5. Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений Свода Законов Российской империи в XIV в. / сост. А. Ф. Скоров. М., 1901. С. 96.
6. Устав о наказаниях // Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений Свода Законов Российской империи в XIV в. М., 1901. С. 7–9.
7. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями по официальному изданию 1914 года / сост. В. В. Волков. Пг., 1916. С. 124–273.

1. The Irkutsk Region State Archive (IRSA). F. 162. Inv 1. Doc. 1361. P. 1–3.
2. IRSA. F. 91. Inv 1. Doc. 1675. P. 103.
3. IRSA. F. 162. Inv 1. Doc. 1361. P. 5–8.
4. IRSA. F. 91. Inv 1. Doc. 913. P. 18–26.
5. Code of Regulations on preventing crimes of the Russian Empire Law System Code in the XIV c. / Compiler A. F. Skorov. M., 1901. P. 96.
6. Punishment Regulations // Code of Regulations on preventing crimes of the Russian Empire Law System Code in the XIV c. M., 1901. P. 7–9.
7. Punishment Regulations imposed by magistracy according to the official edition of 1914 / Compiler V. Volkov. Petrograd, 1916. P. 124–273.

Role of Russian Legislation in Regulation of Behaviour Standards of Youth in the Prerevolutionary Society (in Late XIX c. – Early XX c.)

S. A. Shalamova

Irkutsk State University, Irkutsk

In the article the author analyzes a range of legislative acts dated to late XIX – early XX centuries (particularly, the Punishment Regulations) as well as determines the role of the enactments in regulation of behaviour standards of youth in pre-revolutionary society giving much attention to the materials of the State Archives of the Irkutsk region.

Key words: behaviour standards, Russian legislation, Punishment Regulations, youth.

Шаламова Светлана Александровна – кандидат исторических наук, секретарь деканата исторического факультета Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2-301, 8(3952)243875, e-mail: Svetlana15x@ya.ru

Shalamova Svetlana Alexandrovna – Candidate of Historical Sciences, Secretary at the Dean's Office of the Faculty of History, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Chkalov st. 2, 8(3952)243875, e-mail: Svetlana15x@ya.ru